УДК 341.24

Владимир ШВЕЙЦЕР

СССР И ГЕРМАНИЯ: НА ПУТИ К 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА¹

Статья поступила в редакцию 31.08.2020

Аннотация. В статье проанализированы советско-германские отношения межвоенного периода. Подчеркнуто, что после Мюнхенских соглашений сентября 1938 г. Германия в общих чертах определила свою стратегию давления на страны, вписывавшиеся в концепцию «Похода на Восток». Ее жертвами в 1938–1939 гг. стали Чехословакия и Польша, утратившие свою государственность. Весной и летом 1939 г. Великобритания и Франция сочли возможным пересмотреть скомпрометировавшую их «политику умиротворения» Гитлера и были готовы включиться совместно с СССР в поиск путей предотвращения гитлеровской экспансии. Однако непоследовательность и противоречивость такой «смены вех» укрепляла в советском руководстве позиции сторонников достижения договоренностей с Германией. Последующие события – вплоть до 22 июня 1941 г. – показали ненадежность соглашений с нацизмом, облегчили скоротечную победу Германии над Польшей и Францией, поставили Великобританию в условия изоляции. Вероломство гитлеровского нападения на СССР не снимало с советского руководства исторической вины за неготовность к военному столкновению с фашизмом, за колоссальные человеческие и территориальные потери первого этапа войны.

Ключевые слова: СССР, Германия, Франция, Великобритания, Польша, Вторая мировая война.

Зигзаги геополитики

Мюнхенская конференция конца сентября 1938 г. продемонстрировала расклад сил в тогдашней европейской геополитике. Под обломками и так трещавшей по всем швам Версальской системы оказалась не только Чехословакия, лишившаяся спустя полгода своей государственности. Вся скрупулезно отшлифованная Западом «политика умиротворения» показала свою полную несостоятельность в столкнове-

¹ Статья продолжает тему исследования, которая была начата автором в предыдущем номере журнала: Швейцер В.Я. СССР и Германия в контексте событий 1920–1930-х годов. Современная Европа, 2020, № 5, с. 193–203.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52020193203>

© Швейцер Владимир Яковлевич – д.и.н., главный научный сотрудник, руководитель Отдела социальных и политических исследований Института Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, ул. Моховая д. 11, стр. 3. E-mail: partsist@list.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020202213>

нии с агрессивным гитлеризмом. Инициатива в европейских делах, принадлежавшая в 1920-е – середине 1930-х гг. Великобритании и Франции, полностью перешла в руки гитлеровского Третьего рейха. Нацисты с осени 1938 г. начинают поэтапно реализовывать то, что было обозначено в 1924 г. в «Майн кампф», а после их прихода к власти стало альфой и омегой германской внешней политики. При этом гитлеровцы, действуя методом «кнута и пряника», были готовы временно поделиться частью добычи с теми, кто идеологически и политически разделял их методы. Наиболее ярким примером здесь был развал Чехословакии, в котором приняли участие также Польша и Венгрия. В результате 15 марта 1939 г. в состав Рейха был включен «Протекторат Богемия и Моравия». С подачи Гитлера Словакия стала якобы самостоятельным государством, Тешинская область перешла к Польше, а Закарпатская Украина – к Венгрии. Последняя в феврале 1939 г. присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, созданному еще в ноябре 1936 г. Германией и Японией. В марте 1939 г. Германия, оказав сильнейшее давление на Литву, реализовала еще один свой «исторический» проект – получила Клайпеду, называемую немцами Мемелем.

Более сложным оказался для Германии ее давний план возвращения себе Гданьска, в немецком варианте – Данцига. С ходу решить эту проблему Гитлеру не удалось, равно как и получить контроль над «польским коридором», разделявшим основную часть Германии с Восточной Пруссией. Кроме того, Польша, в отличие от Венгрии, не вступила в Антикоминтерновский пакт, разумно полагая, что этот шаг может резко осложнить отношения с восточным соседом – СССР, а в в дальнейшем может исключить поддержку со стороны британцев и французов. Эти страны после захвата немцами Чехословакии наконец поняли, что Гитлер в Мюнхене их просто обманул. Именно с марта 1939 г. начинается переход от политики умиротворения к поискам путей совместного сопротивления агрессивным планам Берлина. По существу, этот переход, полный недомолвок и противоречий, продолжался вплоть до начала Второй мировой войны.

Для того чтобы понять всю сложность, внутреннюю и внешнюю противоречивость складывавшейся в начале 1939 г. ситуации, обратимся к оценкам, содержащимся в отчетном докладе И.В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б) от 10 марта 1939 г. [Сталин, 1952: 604–614]. Он констатировал начало, хотя и в ограниченном масштабе, «второй империалистической войны» [Сталин, 1952: 607]. Важнейшими элементами этого процесса были названы захват Италией Абиссинии, германо-итальянская интервенция в Испании, начало боевых действий Японии против Китая. В докладе также указывалось на захват Германией Австрии и отторжение от Чехословакии Судетской области. Германия, по словам Сталина, «требуется расширения своих территорий в Европе, возвращения колоний» [Сталин, 1952: 607]. Имело место формирование блока трех агрессивных государств – Германии, Италии, Японии. Все это не встретило сопротивления со стороны «неагрессивных демократических государств», допустивших некоторое попустительство вышеуказанным агрессивным действиям «тройки». К категории «неагрессивных государств» Сталин причислял, прежде всего, Англию, Францию и США.

Какие же обстоятельства способствовали успехам агрессоров? Они, полагал лидер СССР, отнюдь не были сильнее «неагрессивных государств». Наоборот, неагрессивные демократические государства, взятые вместе, оставались бесспорно сильнее фашистских государств и в экономическом, и в военном отношении. Одна-

ко они, полагал автор доклада, не пошли на военную конфронтацию с фашизмом отчасти из боязни, что в результате широкомасштабной войны возможны революционные события в их собственных государствах, как это имело место в России после окончания Первой мировой войны [Сталин, 1952: 609].

Сталин упрекнул «неагрессивный Запад» в отказе от предложенной СССР еще в середине 1930-х гг. политики коллективной безопасности, замененной «политикой невмешательства», что в конечном итоге способствовало фашизму. Более того, Запад, по мнению Сталина, поверил Германии, уверявшей «неагрессивные государства» в своей принципиальной антисоветской линии, замаскированной под «антикоминтерновскую» [Сталин, 1952: 608]. С другой стороны, западная пресса, по мнению Сталина, муссировала слухи о планах Германии по захвату Советской Украины. «Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований» [Сталин, 1952: 611]. Развивая эту весьма чувствительную тему, Сталин не исключал, что в Германии «имеются сумасшедшие», способные принять такой алгоритм решений. Одновременно он и не исключал наличие в Третьем рейхе нормальных людей, не стремящихся идти в восточном направлении, на которое Запад указывает Германии. Возвращаясь к теме Мюнхенского сговора, Сталин предположил, что «немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом» [Сталин, 1952: 611]. Фактически признав крайнюю неустойчивость и противоречивость складывающейся международной ситуации, Сталин в своем докладе указал на известные договорные обязательства СССР с Францией и Чехословакией, а также с Монголией и Китаем. При этом он ограничился лишь констатацией общих принципов советской внешней политики.

В итоговой части доклада о международном положении внимание делегатов XVIII съезда ВКП(б) акцентировалось на таких направлениях советской внешней политики, как «укрепление деловых связей со всеми странами», «мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми странами, имеющими с СССР общую границу». Была высказана поддержка народов, «ставших жертвами агрессии». Одной из задач партии было названо соблюдение осторожности, дабы не дать «провокаторам войны» втянуть СССР в конфликты [Сталин, 1952: 613–614]. В сущности, последнее указание партии, если исходить из ранее сказанного, равным образом адресовалось «неагрессивному Западу», подталкивавшему Германию к военному конфликту с СССР. У Сталина достаточно четко обозначилась «концепция равноудаленности» как от фашистских агрессоров в Европе и Азии, так и от «неагрессивных демократов» по обе стороны Атлантики. Однако череда европейских событий весны 1939 г. сместила ранее обозначенные акценты.

Смена ориентиров

К середине марта 1939 г. и СССР, и Великобритания с Францией начали зондировать тему сопротивления эвентуальной гитлеровской агрессии, главным объектом которой могла стать Польша. Движение в этом направлении началось с обеих сторон. 18 марта 1939 г. британское правительство запросило у Москвы согласие на подписание совместной декларации Великобритании, Франции, СССР и Польши, направленной против возможной агрессии, с последующими консультациями. Со своей

стороны, советское правительство, хотя и указало в соответствующей ноте, что «такая декларация не решает вопроса», все же видело в ней первый шаг в деле сопротивления гитлеризму [История дипломатии, 1945: 673].

Действуя в конструктивном ключе, Советский Союз добавил к инициативе Великобритании собственное предложение о немедленном созыве совещания, в котором крайне желательно участие Румынии. 19 марта наркоминдел М.М. Литвинов предложил пригласить также и Турцию. Отметим, что британский проект предусматривал обязательства соответствующих правительств «немедленно сообщать о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления» [Белые пятна, 2010: 143]. Реагируя на британскую инициативу, Литвинов сделал важную оговорку о возможности советской подписи под декларацией только в том случае, если ее подпишет и Польша. Однако Варшава этот документ не подписала, явно опасаясь негативной реакции Берлина, что могло, по мнению поляков, дать Гитлеру повод для агрессивных действий. Полгода спустя стало ясно, что к таковым действиям в самой их крайней форме – войне – Германия может прибегнуть и без апелляции к каким-либо соглашениям Польши с другими странами. План нападения на нее (план «Вайс») был в середине апреля 1939 г. подготовлен вермахтом и утвержден Гитлером. Правда, в сопутствующем плану документе говорилось, что «Вайс» имеет своей целью не начало общеевропейских военных действий, а лишь изоляцию Польши от ее западных союзников. Гитлер аннулировал пакт 1934 г. о «необращении к силе» и в тот же день – 28 апреля – расторг англо-германский морской договор от 18 июня 1935 г. При этом он сослался на британские гарантии Польше в случае агрессивных действий против нее какой-то неназванной страны [История дипломатии, 1945: 674, 675; Белые пятна, 2010: 145, 146]. Действительно, 6 апреля Великобритания и Польша заключили соглашение о взаимопомощи. Спустя неделю – 13 апреля – гарантии были даны Румынии и Греции. Франция также обещала вышеназванным странам гарантии обеспечения их независимости.

Британия предложила СССР войти в систему ограниченной безопасности для Польши и Румынии. 17 апреля Москва выдвинула контрпредложение – заключить Тройственный пакт СССР, Великобритании и Франции. В развитие этой инициативы СССР предлагал следующую схему: договор трех держав, плюс военная конвенция, плюс предоставление гарантий всем странам от Балтийского до Черного морей. Однако Лондон медлил с ответом. Со своей стороны, англичане указали на важность постоянных контактов на уровне чиновников соответствующих ведомств, а также через посольства в Москве, Лондоне и Париже.

Новым неожиданным фактором на пути достижения реальных договоренностей трех европейских держав стала отставка 3 мая 1939 г. Литвинова с поста министра иностранных дел. Уже на совещании по вопросам внешней политики в Кремле 21 апреля выявились серьезные противоречия в позиции наркома Литвинова и его непосредственного шефа председателя СНК В.М. Молотова. Известный российский исследователь внешней политики М.М. Наринский отмечает в связи с этим: «Политика Литвинова, ориентированная на союз с Англией и Францией, была подвергнута резкой критике. Со стороны главы правительства Молотова был сделан акцент на необходимость поиска альтернативных решений для улучшения внешнеполитического положения СССР, в том числе и рассмотрение возможностей улучшения отношений с гитлеровской Германией» [Белые пятна, 2010: 147]. Литвинов

был обвинен в нелояльном отношении к Совнаркому Союза ССР (СНК) и освобожден «по собственному желанию» от обязанностей наркома. Его место занял сам Молотов. Как пишет в своих мемуарах тогдашний посол СССР в Лондоне И.М. Майский, отставка Литвинова вызвала в Европе «большую сенсацию и истолковывалась как смена внешнеполитического курса СССР» [Майский, 1987: 396]. В ту пору Майский опровергал подобные предположения, заявив главе внешнеполитического ведомства Англии лорду Галифаксу, что «сделанные нами 17 апреля предложения сохраняют свою силу» [Майский, 1987: 396].

Еще одним свидетельством подвижек во внешнеполитической ориентации СССР стал отзыв из Берлина тогдашнего советского посла А.Ф. Мерекалова, пользовавшегося полным доверием у Литвинова. Его место занял временный поверенный в делах Г.А. Астахов. Именно ему, спустя несколько месяцев, Риббентроп сообщил о возможности заключения обеими странами договора, касавшегося многих аспектов их взаимоотношений. В отставке Литвинова был и еще один важный момент. Очевидно, Сталин считал, что еврей Литвинов не может вызывать доверие у антисемитского руководства Германии. Однако все же главной была потребность передачи внешней политики СССР человеку, готовому прагматически, а не идеологически подойти к ситуации, в которой угроза новой войны становилась все более реальной.

Жаркое лето 1939 года

Последняя декада мая 1939 г. была отмечена важными событиями в Европе. 22 мая Германия и Италия подписали соглашение о синхронности действий в случае возникновения внешней опасности. Пять дней спустя Великобритания и Франция предложили СССР новый вариант тройственного соглашения о взаимопомощи против агрессии. Молотов с этой концепцией в принципе согласился, однако не увидел в ней гарантий для прибалтийских стран-соседей СССР.

Свою точку зрения на весь комплекс проблем, связанных с возможным «тройственным союзом», Молотов подробно изложил в докладе о внешней политике на третьей сессии Верховного Совета СССР 31 мая 1939 г. Суть его рассуждений заключалась в следующем: «Это было бы соглашение исключительно оборонительного характера, действующее против нападения со стороны агрессоров и в корне отличающееся от того военного и наступательного союза, который заключили недавно между собой Германия и Италия» [История дипломатии, 1945: 683].

Камнем преткновения для «тройственного союза» новый наркоминдел (он же председатель СНК) считал принцип взаимности и равных обязанностей, который пока не прослеживался в предложениях Великобритании и Франции. Тем более – в реакции на них Польши, Румынии и прибалтийских государств. Важным в докладе Молотова представляется и его мнение, согласно которому, «ведя переговоры с Англией и Францией, мы вовсе не считаем необходимым отказываться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия» [История дипломатии, 1945: 683, 684].

Было бы большим упрощением увидеть в последней фразе лишь попытку как-то сбалансировать ранее высказанную в докладе оценку нового договора Германии и Италии. На самом деле зондаж германского направления начался гораздо раньше. Правда, в литвиновский период работы наркоминдела это выглядело стремлением оживить экономические и торговые отношения. Переговоры на эту тему велись по инициативе Германии с начала 1938 г. Литвинов считал, что Германия хочет иметь

в своих руках лишний козырь в игре с англо-французами, заменив пока экономическими сюжетами предложения политического характера. Вариации на тему улучшения отношений СССР и Германии были отмечены и 17 апреля 1939 г., во время беседы тогдашнего полпреда в Берлине А.Ф. Мерекалова со статс-секретарем МИД Германии Э. Вайцзеккером. Последний хотя и признал, что у обеих стран есть «противоречия идеологического порядка», однако Германия, по его мнению, хочет развивать с СССР экономические отношения. На перемены в германской политике обратил внимание и сменивший Мерекалова временный поверенный Г.А. Астахов. В письме Молотову от 14 июня 1939 г. он отмечал, что «просоветский (условно выражаясь) маневр германской политики последних двух месяцев задуман несколько глубже, чем могло многим показаться вначале» [Белые пятна, 2010: 151].

Очень скоро чисто экономический сюжет «нового курса» во взаимоотношениях между Москвой и Берлином плавно перетек в сферу политики. Правда, советское руководство не пыталось форсировать события, имея в своем распоряжении пока еще набиравший ход переговорный процесс с Великобританией и Францией. Их ключевым вопросом должна была стать военная конвенция, обязывающая подписантов прийти на помощь друг другу в случае агрессивных действий третьей стороны. Но лишь 25 июля англичане и французы приняли предложение советского правительства о посылке в Москву для переговоров военных миссий. Примечательно, что при этом не был уточнен статусный характер участников переговорного процесса. В результате в СССР прибыли военные «второго разряда», да еще, как выяснилось позже, не имевшие полномочий для подписания соглашений практического характера. Их поездка в Москву осуществлялась крайне неторопливо, а сами переговоры начались лишь 12 августа. Отметим, что с советской стороны главным участником переговоров был назначен нарком обороны К.Е. Ворошилов.

Безрезультативность этого мероприятия была предопределена. Ключевой вопрос – о соприкосновении советских войск с агрессором, не имевшим с ним общей границы, в отличие от Франции (сухопутная граница) и Великобритании (морская граница), могла решить только не принимавшая участие в переговорах Польша. Последняя опасалась, что гарантия прохода советских войск через ее территорию сделает войну с Германией неизбежной. Возглавлявший советскую делегацию нарком Ворошилов считал возникшие разногласия главной причиной неудачи переговоров. Однако здесь сложно отрицать логическую связь досрочного (22 августа) окончания встречи военных в Москве и подписания между СССР и Германией 23 августа Пакта о ненападении [История дипломатии, 1945: 686].

Германское политическое руководство внимательно следило за медленным угасанием «союза трех». Стратегически оно постепенно двигалось к главной цели – военным действиям против Польши, не хотевшей поступаться ни Данцигом, ни «польским коридором». При этом немцы, декларируя возможность договориться с СССР, постоянно интриговали наше руководство вероятностью соглашения с Британией. Встречи британцев и немцев проходили не на высоком уровне, однако их участники были тесно связаны с руководством своих стран. Так, в июле 1939 г. в Лондоне состоялось заседание международной китобойной комиссии, среди участников которой был некто Г. Вольтат – лицо близкое к Герингу. С ним встречались и министр торговли Великобритании Р. Хадсон, и весьма влиятельный в лондонских кругах Г. Вильсон. По возвращении из Лондона Вольтат доложил о результатах встреч Герин-

гу и Риббентропу, сообщив, что англичане совсем не заинтересованы в решении «польской проблемы» с помощью СССР [Безыменский, 1972: 113–119]. Отметим, что немцы сознательно допустили утечку информации о контактах представителей Германии и Британии, которая по каналам разведок стала почти сразу известна советскому руководству, и это еще больше укрепило его недоверие к Лондону.

Говоря об остросюжетной ситуации лета 1939 г., нельзя не упомянуть и косвенное влияние на нее таких крупных геополитических игроков, как США и Япония. По свидетельству одного из руководителей советской внешней разведки того времени П.А. Судоплатова, активную роль в создании антигерманского блока играл президент США Ф. Рузвельт. Американский лидер побуждал Чемберлена с целью сдерживания Гитлера вступить в переговоры с европейскими партнерами Великобритании, включая и Советский Союз. «Наши источники сообщали, что британское правительство с явной неохотой отнеслось к американской инициативе, поэтому Рузвельту пришлось оказать на британцев нажим, чтобы заставить их все-таки пойти на переговоры с Советами по выработке военных мер для противостояния Гитлеру» [Судоплатов, 1996: 79]. Свои интересы, связанные с европейской ситуацией лета 1939 г., имела и Япония. Она пользовалась поддержкой у англичан, заключивших с ней в этот напряженный период специальное соглашение, «предоставившее Токио свободу рук в Китае» [Путин, 2020: 5].

Вступив в боевое соприкосновение с СССР на Дальнем Востоке, Япония рассчитывала, что наша страна включится в военный конфликт с Германией и тем самым ослабит свой дальневосточный фланг. Японские эмиссары в Берлине прямо говорили немецкому руководству, что излишнее миротворчество может повредить Антикоминтерновскому пакту, связавшему стратегические интересы Германии и Страны восходящего солнца. Очевидно, что у советского руководства точка зрения была противоположной, и одним из мотивов заключенного 23 августа Договора о ненападении являлось недопущение «двухфронтного» варианта ближайших событий. Со своей стороны, Гитлер, вплоть до подписания этого документа, не был уверен в нейтральном отношении СССР к войне с Польшей, полагая, что Сталин при удобном случае может ввести войска на территорию бывшей части Российской империи. Подчеркнем: руководство вермахта и абвера предупреждали своего лидера о коварстве его советского визави, полагая, что одновременная война и на западном, и на восточном фронте будет для Германии губительной [Волков, Славин, 1999: 339, 354]. Немецкие военные не исключали возможности пересмотра времени осуществления плана «Вайс», если к намеченным в нем срокам вторжения в Польшу СССР не будет гарантированно нейтрализован.

Пакт о ненападении

В условиях тревожного недоверия друг к другу Германия и СССР начали «прорывной этап» своих взаимоотношений. Важнейшей датой этого процесса стало 3 августа, когда синхронно в Берлине встретились Риббентроп и Г.А. Астахов, а в Москве – Молотов и Ф. фон Шуленбург. По мнению немецкой стороны, эра «политических противоречий» закончилась и, говоря словами Риббентропа, «можно обмениваться мнениями более конкретным порядком» [Белые пятна, 2010: 153]. Молотов сохранял свойственную ему осторожность, делая упор на первоочередном решении взаимовыгодных торгового-кредитных проблем в рамках берлинских переговоров.

Астахов в переписке с Молотовым отмечал скептицизм немцев по поводу объявленных в начале августа встреч военных делегаций СССР, Англии и Франции. В этих условиях немцы считают «мыслимым пойти на известную договоренность... чтобы этой ценой нейтрализовать нас в случае войны с Польшей» [Белые пятна, 2010: 153]. На эту тему весьма однозначно высказалось и Политбюро ЦК ВКП(б), заявившее в своем решении от 11 августа о желательности «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем известить Берлин» [Белые пятна, 2010: 156].

Теперь на первый план выдвигался формат возможных соглашений. Постоянно консультируясь со Сталиным, Молотов внес немецкой стороне предложение заключить Пакт о ненападении, сопроводив его протокольным документом, затрагивавшим вероятные ситуационные последствия этого совместного документа [Белые пятна, 2010: 156]. Именно это приложение к Пакту, а не он сам, стали токсичны в международно-правовой практике, что стало предметом острых дискуссий. Проект пакта и протокола к нему были 19 августа переданы Ф. фон Шуленбургу, несколько скорректированы в Берлине и подписаны в Москве 23 августа, для чего из Берлина в советскую столицу прибыл Риббентроп.

Сам Договор (см. ст. 1) не только исключал возможность военного конфликта СССР и Германии, но и действий такого рода «совместно с другими державами». Статья 2 исключала возможность поддержки подписантами внешнего агрессора против договаривающихся сторон. Ст. 4 уточняла изложенные в ст. 2 исключения для подписантов участия в «группировке держав, прямо или косвенно направленной против другой стороны». Ст. 3 и 5 содержали в самой общей форме стремление к консультациям, обмену информацией, «затрагивающей их общие интересы». В Договоре допускалось возникновение «споров или конфликтов», которые должны были разрешиться в порядке дружеского обмена мнениями [История дипломатии, 1945: 689, 690].

Если сам Договор не выходил за общепринятые рамки международно-правовых документов такого рода и являлся элементом двусторонних отношений, то содержание секретного протокола к нему как раз увязывало геополитические интересы СССР и Германии, прежде всего, исходя из становившегося неизбежным военного конфликта Германии и Польши. Кстати говоря, Польша косвенно была обозначена как объект агрессии, т.к., по настоянию немецкой стороны, из ст. 2 была удалена советская оговорка о неподдержке подписантами того из них, кто станет инициатором военных действий. Тем самым Германия неофициально извещала СССР о своих ближайших планах.

В секретном протоколе все было сказано достаточно адресно. Обозначалось «разграничение сфер интересов обеих стран в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства». Независимость последнего, как и его границы, также были отнесены к процессу «дальнейшего политического развития» [Белые пятна, 2010: 157]. Как стало ясно после 22 июня 1941 г., наличие протяженной общей границы с Россией дало очевидное военно-стратегическое преимущество многомиллионным войскам вермахта. В основном это разграничение проходило по «линии Керзона». Из протокола следовало, что территориально-политическое переустройство областей, входящих в состав прибалтийских государств, также не за горами. Германия щедро передавала в сферу интересов СССР не только восточную часть Польши, но и принадлежавшую тогда Румынии Бессарабию, а также прибалтийские государства и Финляндию. Как

стало вскоре известно, все это легло в основу последующего территориального присоединения Прибалтики и Бессарабии к СССР и предшествовавшей этому «зимней войны» (1939–1940 гг.) с Финляндией.

В течение последующих десятилетий советско-германский договор и секретные протоколы стали объектами острых политических дискуссий. Вспомним, что Сталин в своем радиовыступлении 3 июля 1941 г. исказил последовательность событий: он утверждал, что именно Германия предложила нам Пакт о ненападении, от которого Советский Союз не мог отказаться. Не смущало Сталина и то, чтобы во главе «миротворцев» стояли такие, по его словам, «изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп». Вполне естественно, что Сталин даже не намекнул на секретный протокол, содержание которого как раз противоречило словам вождя о возможности мирного соглашения при условии, что оно «... не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства» [Дипломатический словарь, 1950: 699–700].

Уже на излете советской власти была дана объективная оценка как Пакту, так и протоколу к нему. Согласно заявлению В.В. Путина, «... Советский Союз дал правовую и моральную оценку так называемому Пакту Молотова-Риббентропа». В постановлении Верховного Совета от 24 декабря 1989 г. официально осуждены секретные протоколы как «акт личной власти, никак не отражавший волю советского народа, который не несет ответственности за этот сговор» [Путин, 2020: 7]. Отметим, что как акт геополитики и Пакт, и протоколы к нему категорически противоречили принципам суверенитета и независимости целой группы стран.

При всем негативном отношении к этим документам их нельзя считать главными побудительными мотивами начавшейся 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны. Однако именно так интерпретирует их Еврокомиссия в заявлении, приуроченном к 80-летию Пакта. Используя метафору упомянутого заявления, «черной страницей» в европейской истории были, прежде всего, Мюнхенские соглашения 1938 г., давшие «зеленый свет» гитлеровской агрессии в Европе. Пакт и протоколы, хотя и не делали чести советскому руководству, однако никак не могли быть равнозначными началу войны против Польши, ставшей для Германии очередным шагом по реализации своих агрессивных планов.

От войны к войне

События 1 сентября 1939 г. были вполне ожидаемыми. Немцы, устроив провокацию на границе с Польшей, объявили последней войну, в которую, скорее номинально, нежели реально, включились союзные Варшаве Лондон и Париж. Для СССР подобное начало общеконтинентальной войны было вполне предсказуемо. В.А. Никонов приводит ссылку из дневника Г. Димитрова, который в записи от 7 сентября воспроизвел часть беседы со Сталиным. Последний явно рассчитывал, что война ослабит всех ее участников: «Неплохо, если бы руками Германии было бы расшатано положение богатейших капиталистических стран» [Никонов, 2014: 606].

СССР явно не спешил принять участие в дележе польского наследства. Руководство страны отдавало себе отчет в том, что ввод войск на территорию соседнего государства без объявления последнему войны объективно понижал бы международный престиж Советского Союза. Однако из Берлина постоянно звучали предложения к Москве действовать в духе недавних договоренностей. Советские лидеры – в дан-

ном случае Молотов – со своей стороны, указывали немцам, что поспешность может «облегчить сплочение противников» [Никонов, 2014: 606]. Эту формулировку можно интерпретировать и как намек на поддержку Польши со стороны Англии и Франции. Только после бегства из страны польского правительства, что абсолютно деморализовало польскую армию, советские войска вошли на территорию соседнего государства, заняв ту часть его территории, которая была обозначена в секретном протоколе. Все это было зафиксировано в новом советско-германском «Договоре о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года». В секретном протоколе к нему окончательно определялась новая граница, сложившаяся после соприкосновения обеих армий [Путин, 2020: 10].

Развивая стратегию, обозначенную в секретном протоколе, СССР предложил прибалтийским государствам пакты о взаимопомощи, которые фактически означали предпоследний шаг к их оккупации, ибо предполагалось размещение в Латвии, Эстонии и Литве не только советских военных баз, но и воинских контингентов. Летом 1940 г. в прибалтийских государствах произошли «народные революции», и они вошли в состав СССР. В том же 1940 г. в состав СССР были включены Бессарабия и Буковина как части новообразования – Молдавской ССР. Сложнее обстояло дело с советизацией Финляндии, также входившей, согласно протоколу, в сферу влияния СССР. Во-первых, правительство этой страны не соглашалось на запрашиваемый Москвой обмен территориями. Во-вторых, финская армия зимой 1939–1940 гг. оказала упорное сопротивление советским войскам. В результате лишь 12 марта 1940 г. СССР достиг желаемого результата, отодвинув границу от Ленинграда на значительное расстояние. Помимо больших людских потерь, эта «зимняя война» нанесла серьезный ущерб престижу Советского Союза, который 14 декабря 1939 г. был исключен из Лиги Наций. В начале 1940 г. Франция и Англия готовы были послать на помощь финнам экспедиционный корпус, что явно указывало на нереальность восстановления даже чисто деловых отношений с СССР. Со своей стороны Германия в месяцы «зимней войны» смогла, с помощью военной разведки, определить реальные возможности Красной Армии. Гитлер и руководство вермахта утвердились во мнении, что СССР не выдержит столкновения с немецкими войсками. В конце 1940 г. эта уверенность воплотилась в план «Барбаросса». Нападение на Советский Союз стало ближайшей целью Гитлера.

Эта цель стала еще более реальной уже в мае – июне 1940 г., когда была повержена Франция, а британский корпус с трудом смог эвакуироваться через Ла-Манш на родину. Вполне естественно, что СССР, связанный договоренностями 23 августа 1939 г., никак не обозначил свою заинтересованность в ином развитии событий. Кроме того, Москве также явно не понравилась относящаяся к началу 1940 г. информация о возможных англо-французских бомбардировках бакинских нефтяных промыслов, что связывалось с поставками из советского государства в Германию стратегически важных для вермахта нефтепродуктов. Можно предположить, что абвер специально подбрасывал советской разведке различные доказательства возможных действий Англии и Франции с территории их подмандатных владений – Ирака и Сирии.

Фактическое поражение Англии в «летней войне» 1940 г. с Германией, и ухудшение англо-советских отношений, связанных с финской кампанией Красной армии в 1939–1940 гг., как и слухи о возможных бомбардировках бакинских нефтепромыслов, открывали Гитлеру перспективы поиска новых договоренностей со Сталиным, которые окончательно воспрепятствовали бы восстановлению отношений между

Лондоном и Москвой. В связи с этим большие надежды возлагались на состоявшийся 10–12 ноября 1940 г. визит в Берлин Молотова. Ключевым моментом встречи наркома иностранных дел с Гитлером было предложение фюрера заменить тройственный пакт Германии, Италии и Японии коалицией, в которую, помимо коллаборационистов Франции и испанских франкистов, был бы включен Советский Союз. Гитлер не скрывал, что речь идет о подготовке раздела Британской империи. После военной победы над Великобританией Советскому Союзу предлагалось включить в сферу своего влияния Иран и Индию, а также установить контроль над черноморскими проливами.

Предложения были явно неожиданными для Молотова; он пообещал обсудить их с советским руководством. Однако Кремль не был готов к такой перспективе. В качестве контрпредложений советская дипломатия выдвинула ряд явно нереализуемых предварительных условий [Никонов, 2014: 610]. Ожидаемыми были неприятие Берлином нашего требования вывода из Финляндии немецких войск, появившихся там в 1940 г. без консультации с СССР, несогласие немцев с советско-болгарским Пактом о взаимопомощи, а также с созданием советской военно-морской базы в районе черноморских проливов. Позицию СССР следует объяснить не только усложнившимися после немецких побед в 1940 г. в Европе советско-германскими отношениями, но и определенными подвижками со стороны Британии, где к власти пришел кабинет У. Черчилля, более благожелательный к СССР. Сам Черчилль, по мнению президента России В.В. Путина, относился к числу «ответственных, дальновидных политиков» [Путин, 2020: 12]. Отказ Сталина от планов «распила» Британской империи сыграл положительную роль для будущих союзнических отношений СССР и Британии.

Не добившись успеха в деле разрушения перспектив антигитлеровского сотрудничества, Германия твердо взяла курс на подготовку к войне против СССР. 18 декабря 1940 г. Гитлер подписал план «Барбаросса», в январе 1941 г. начал переброску немецких войск в Болгарию, что Молотов расценил как вторжение в советскую зону безопасности. Наконец, в начале апреля 1941 г. немецкие войска напали на Югославию, где за день до этого пришло к власти просоветское правительство генерала Симича.

Все это в совокупности прокладывало путь к 22 июня 1941 г. К сожалению, Сталин и его ближайшее окружение не делали стратегических выводов из складывающейся ситуации. Геополитика, в которую Гитлер втянул наше руководство, осложнила осознание реалий текущей политики, учет как военно-политических угроз, так и возможных альтернатив сотрудничеству с агрессивным фашизмом.

Территориальные приращения на западной границе советского государства не стали выигрышным фактором в условиях очевидных пробелов в организации обороны, впоследствии развалившейся под ударами вермахта. В результате «тяжелые военные поражения 1941 г. поставили нашу страну на грань катастрофы» [Путин, 2020: 15]. Вероломство гитлеровского нападения на СССР не снимало с советского руководства исторической вины за неготовность к войне с фашизмом. За победу над ним народы Советского Союза заплатили непомерно высокую цену, которая и до сих пор терзает память наследников Великой Победы 1945 г.

Список литературы

Безыменский Л.А. (1972) Особая папка «Барбаросса». АПН, Москва. 341 с.

- Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. (2010) Пресс, Москва. 823 с.
- Волков А., Славин С. (1999) Адмирал Канарис – «железный» адмирал. «Олимп», Москва. 556 с.
- Дипломатический словарь. (1950). Т. 2. Госполитиздат, Москва.
- История дипломатии. (1945) Т. III. Госполитиздат, Москва.
- Майский И.М. (1987) Воспоминания советского дипломата. Международные отношения, Москва. 783 с.
- Никонов В.А. (2014) Российская Матрица. Русское слово, Москва. 991 с.
- Путин В.В. (2020) 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. 19 июня 2020 URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 01.10.2020).
- Сталин И.В. (1952) Вопросы Ленинизма. Госполитиздат, Москва.
- Судоплатов П.А. (1997) Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950. Олма-пресс, Москва. 350 с.
- Черкасов Н.С. (2006) О германском фашизме и антифашистском сопротивлении. Томск. 421 с.
- Швейцер В.Я. (2018) Австрия в геополитических планах СССР. *Современная Европа*, № 5. С. 142–149. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52018142149>.

References

- (2020) – 1938 Der “Anschluss” im internationalen context. Wien-Graz. 391 p.
- Bezumenkij L.A. (1972) Osobaya papka “Barbarossa”. APN. Moscow. 341 p.
- Belye pyatna – chyornye pyatna. Slozhnye voprosy v rossijsko-pol'skih otnosheniyah. (2010) Press. Moscow. 823 p.
- Cherkasov N.S. (2006) O germanskom fashizme i antifashistskom soprotivlenii. Tomsk. 421 p.
- Diplomaticeskij slovar'. (1950) Tom 2. Gospolitizdat. Moscow.
- Istoriya diplomatii. (1945) t III. Gospolitizdat. Moscow.
- Majskij I.M. (1987) Vospominaniya sovetskogo diplomata. Mezhdunarodnye otnosheniya. Moscow. 783 p.
- Nikonov V.N. (2014) Rossijskaya Matrica. Russkoe slovo. Moscow, Russia. 991 p.
- Putin V.V. (2020) 75 Let Velikoj Pobedy: obshchaya otvetstvennost' pered istoriej i budushchim. 19 iyunya 2020 URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527> (accessed: 01.10.2020).
- Shvejcer V.Ya. (2018) Avstriya v geopoliticheskikh planah SSSR. *Sovremennaya Evropa*. № 5, pp. 142–149. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52018142149>
- Stalin I.V. (1952) Voprosy Leninizma. Gospolitizdat, Moscow.
- Sudoplatov P.A. (1997) Specoperacii. Lubyanka i Kreml' 1930–1950. Olma-press. Moscow. 350 p.
- Volkov A., Slavin S. (1999) Admiral Kanaris – “zheleznyi” admiral. Olimp”, Moscow. 556 p.

USSR and Germany: on the Way to June 22, 1941

Received 31.08.2020

Author: Shveitser V., Doctor of Sciences (History), Head of the Department for Social and Political Research of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** partsist@list.ru

Abstract. The article deals with the Soviet-German relations in the period of 1939–1941. It is shown that after signing of the Munich agreements in September, 1938, Germany generally defined its strategy of pressure on countries that fit into the Hitler's concept of "Push to the East". Its victims in 1935 were Czechoslovakia and Poland. After the German occupation of Czechoslovakia, Great Britain and France sought to review the "policy of appeasement" of Hitler and were ready to join the USSR in the search for ways to prevent Hitler's expansion. However, the inconsistency and contradictoriness of this "change of milestones" strengthened the position of the Soviet leadership in favour of reaching agreements with Germany. The summer of 1939 was the apotheosis of fruitless negotiations between the "Troika" (the USSR, Great Britain and France), which objectively prompted Moscow to accept the German proposal for fundamentally new bilateral agreements (the Pact of August 23, 1939). Subsequent events up to June 22, 1941 showed the unreliability of agreements with Nazism, facilitated the fleeting victory of Germany over Poland and France, and the actual isolation of Great Britain. Hitler's attack on the Soviet Union did not remove from the Soviet leadership the historical guilt of being unprepared for war with fascism, for the colossal human and territorial losses of the first stage of the Great Patriotic War.

Keywords. USSR, Germany, France, Great Britain, Poland, World War II.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020202213>